карию Новгородскому. Этих «защитников» они просят заботиться о соблюдении порядка жизни внутри монастыря, в особенности о сохранении общежительного строя и правильном поставлении игумена-наследника Их же они просят блюсти имения монастыря, им же они передают известные полномочия для проведения суда в монастыре, если игумен, братья или «сильные люди»[94] нарушают «устав-порядки» монастыря. Зато игумен — автор духовной грамоты дает покровителю монастыря и его семье, если она имеется, свое особое благословение и обещает им особые молитвы за их души. От этих русских духовных грамот игуменов завещание Нила отличается так же сильно, как и от уставов-завещаний Евфросина Псковского и Иннокентия Охлебинина. Хотя Завещание Нила, как и другие подобные документы, начинается формулой «Во имя отца...», но здесь нет всех других внешних характерных признаков, придававших завещанию как бы юридическую силу. Нет и имен свидетелей при составлении завещания, нет описания собственной подписи. Может быть, списатели это опустили, но очень возможно, что Нил сам не интересовался вопросами юридического порядка.[95] Он дает в Завещании указания о своем погребении, чего мы не находим в других русских игуменских духовных грамотах.[96] Кроме того, Нил указывает братьям, как поступать с книгами, принадлежащими ему или им, кому дать его большой крест и т. п. Все это выражено опять-таки совершенно просто и кратко, неформально, это просто просьба к братии, а не юридический документ или духовное завещание в каком-либо смысле Поэтому Завещание Нила, его духовная грамота, носит в особенной мере отпечаток своеобразной личности Нила. Он не доверяет никакому покровителю-защитнику свой скит. Такой защитник, очевидно, не необходим для обеспечения будущей жизни Нилова скита. Гарантирует, по Нилу, такую жизнь лишь дух «жительства», как он его передал ученикам в своем «Предании»: «Вся же, яже написах в писании сем, хощу да и живу ми сущу и по смерти моем творима да будет».[97]

---

[94] О них пишет Александр Свирский (АИ, т I, № 135, стр 195 и сл)

[95] По нашему мнению, Нил представлял себе обновление русского монашества как дело «мысленого делания», т е нравственного усовершенствования и умозрительного созерцания, в то время как Иосиф Волоцкий и Нилов «ученик» Вассиан Патрикеев были остро заинтересованы злободневными общественными проблемами Нил проповедовал «уход из мира», однако он не был лишен интереса к злободневным вопросам — об этом свидетельствуют отдельные замечания в его «11 главах» и посланиях и все же главную обязанность монахов он видел в отделении церковного дела от государственных

[96] Прообразом опять-таки может служить подобная духовная грамота завещание «отца церкви» Ефрема Сирина, в которой находится также статья о погребении [см · Ephraem Syrus Opera omnia quae extant, Graece, Syriace, Latine in VI tomis distributa (editio Assemani), tomus I II, III, Graece et Latine Romae, 1732 1743—1746 греческий текст, т II, стр 297 и сл] Завещание Нила отличается от Завещания Ефрема и высказанной в нем просьбой о погребении Тот хотел быть погребенным не в церкви (в качестве будущего святого), но на кладбище, как все рядовые монахи Нил предпочитал, чтобы его, грешника, вообще не погребали, а кинули его вон «в пустыни да изъядят е зверие и птицы» (М С Боровкова-Майкова Нила Сорского Предание и Устав, стр 10) Имеется и для этого желания прообраз в столь любимой Нилом «отеческой» литературе, в патерике Великий Антоний, основатель отшельничества сам запретил своим ученикам погребать или мумифицировать его (Афанасий Александрийский Житие Антония; см: J P Migne Patrologiae Graecae t 26 1857, стлб 969—972) Называет Нил в своем завещании и «великого» Арсения знаменитого «отца» пустынника первых монашеских поколении доевнего мира (Alphabetikon Arsenios, № 40 J P Migne Patrologiae Graecae t 65, 1858, стлб. 105β) Вся забота Нила, очевидно, о том чтобы не считали его тело «мощами» и не воздавали ему поэтому «честь и славу» (там же).

[97] М С Боровкова-Майкова Нила Сорского Предание и Устав, стр 7.